

С. Ф. ЕГОРОВ,

*главный научный сотрудник, заведующий отделом Института теории
и истории педагогики РАО, академик Российской Академии образования,
доктор педагогических наук (Москва)*

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

Педагогика сродни литературно-художественному творчеству. Ведь для писателя, литературоведа главный объект познания, а затем изображения во всех литературных формах и жанрах — это человек. Со времен

К. Д. Ушинского фундаментальной задачей педагогики стало также изучение человека как объекта воспитания. Цель педагогики и литературы одна и та же, различие только в методах. В одном случае это логические понятия и

категории, в другом — мышление в образах. Тем самым обусловлена и близость истории литературы и истории отечественной педагогики.

История отечественной педагогики как самостоятельная научная дисциплина немислима без трудов Д. С. Лихачева, которые являются важной частью объекта нашей науки, ее источниковой базы, а кроме того (и это, пожалуй, самое главное) — в них мы находим основоположения для методологических принципов изучения истории российского образования и воспитания. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно вспомнить роль Дмитрия Сергеевича в сохранении для современной отечественной гуманитарной культуры таких уникальных ее памятников, как «Слово о законе и благодати митрополита Иллариона», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и многие др.

Необходимая принадлежность науки нового времени — эксперимент. Однако все ли составляющие педагогического процесса могут быть объектом экспериментирования? В отличие от эксперимента естественно-научного, раскрывающего законы внешней по отношению к человеку природы, педагогические эксперименты, их организация и методика проведения гораздо сложнее, поскольку они соприкасаются со сферой духовно-нравственной.

Можно экспериментально проверить психологические факторы педагогического процесса, сравнительную эффективность методов и методик обучения, предметов учебного оборудования, технических средств обучения и т. п. Что касается внутренних связей педагогического процесса, тем более идеалов образования, то экспериментирование с ними практически невозможно, поскольку они проявляются в долговременном опыте, *то есть в истории*. В этом смысле для педагога предшествующий теоретически осмысленный опыт имеет такое же значение, что и эксперимент для всякой науки. Данное понимание эксперимента можно распространить на некоторые другие гуманитарные науки. Основания для того можно найти в классических трудах Д. С. Лихачева.

Целый ряд десятилетий источниковая база историко-педагогической науки ограничивалась односторонностями материалистической методологии. Главное внимание обращалось на борьбу различных сословных и классовых направлений. В результате целые пласты источников по истории педагогики оказывались за пределами внимания

советских исследователей. В их числе культурологическое наследие выдающихся деятелей науки и просвещения, практически вся религиозная философия, христианская антропология, литературно-педагогическое наследие русского зарубежья. Культурное наследие при публикации источников представлялось тенденциозно, как обусловленное методологией. Но в тогдашних условиях вульгарно-социологизаторской цензуры для историка-литературоведа оставалась возможность быть более объективным, чем педагогу. Поэтому и сегодня у нас есть чему поучиться у литературоведов. Прежде всего — полноте и многосторонности видения исследуемого объекта.

Литературоведческие работы Дмитрия Сергеевича оказывают историкам педагогики неоценимую помощь в преодолении односторонностей материализма. Для педагогики введение в научный оборот новых источников связано с обретением принципиально новых идей, относящихся к духовно-практической деятельности человека, в том числе и «крамольных» с привычной точки зрения. Например, следующие: «Мышление не ограничивается деятельностью мозга и в нем не заканчивается»; «В коре головного мозга анализируются ощущения, а не чувства»; «Сердце есть средоточие эмоций и орган познания». Взятые вне контекста, эти утверждения Н. И. Пирогова, П. Д. Юркевича, В. Ф. Войно-Ясенецкого могут ничего не значить или быть превратно истолкованными. Однако если их рассматривать в контекстах научного и педагогического мировоззрения каждого из названных авторов, то в них кроется объективное содержание, представляющее несомненный интерес для теории воспитания и особенно для понимания такой важной и сложной проблемы, как связь образования и нравственности.

Благодаря трудам Дмитрия Сергеевича, отчетливо видится логика развития историко-педагогических исследований, ее влияние на содержание и качество работ по конкретной тематике. Поступательное развитие исследовательской мысли выражается в движении от описательности исторических явлений и фактов к проблемному видению историко-педагогического процесса, а затем к изучению истории образования и воспитания как истории науки. В этой связи становится более понятным утверждение В. И. Вернадского о том, что «история изучения научного творчества есть необходимое орудие нашего проникновения в новые области научных достижений».

Со временем субъективные оценки отдельных исторических деятелей науки и просвещения, разумеется, будут подвергаться сомнению, изменяться, корректироваться. Однако при этом менее всего подвержена изменениям методология историко-гуманитарных исследований. В основе она остается неизменной с ориентацией на адекватность своему объекту. В этом состоит главный урок Д. С. Лихачева для историков образования и воспитания. Из него же вытекает наша уверенность в том, что история отечественной педагогики может и должна стать точной наукой.

В весьма содержательной работе профессора А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» приводится библиография трудов академика (1337 назва-

ний). Одно из них хотелось бы прокомментировать. И вот почему: в 1980-е годы издательство АПН СССР проектировало создание Антологии педагогической мысли. Но в тогдашнем руководстве Академии оказались противники, у которых был один аргумент — «нет». Тогда издательство обратилось к авторитетнейшим культурологам с просьбой высказаться о проекте. Дмитрий Сергеевич сказал «да» и вместе с Г. М. Прохоровым написал вступление к первому тому. В результате сегодня мы имеем 10 томов «Антологии педагогической мысли народов СССР». Разве не свидетельствует этот факт о том, что значение Д. С. Лихачева для развития гуманитарной культуры невозможно оценивать только количественными методами? Во всех своих проявлениях оно неизмеримо.